
ИЛЬЯ ВИНИЦКИЙ

ПУШКИН В КИЕВСКОМ СОФИЙСКОМ СОБОРЕ

О ключевом эпизоде романа И. А. Новикова

«Пушкин на юге»

Ти спокусив красу цій діві мрійній
Ще й запити насмілився робить!
Геть зараз же, бешкетник неспокійний,
А то тебе я змушу затремтіть!

*О. С. Пушкін, «Гавриїліада».
Пер. з рос. Є. Дроб'язка (1957).*

Раю, раю,
Темний гаю!
Чи я молодая,
Милий Боже,
в Твоім раю
Чи я погуляю,
Нагуляюсь?

Тарас Шевченко, «Марія» (1859)

С реальним Києвом автор условно-киевской иронической поэмы «Руслан и Людмила», баснословной «Песни о вещем Олеге» и жанрового стихотворения «Гусар» был связан очень мало. В первый раз он побывал здесь проездом по пути из Петербурга в Екатеринослав в конце мая 1820 года. Потом приехал в начале 1821 года и остановился на короткий срок в доме генерала Николая Раевского.¹ От киевских впечатлений в его творчестве остался образ «топо-

¹ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 1: 1799—1824 / Сост. М. А. Цявловский. С. 179, 183, 229—231. В воспоминаниях киевлянки В. И. Анненковой (урожд. Бухарина; 1795—1870) приводится

ля киевских высот» (прекрасная Мария Кочубей в «Полтаве») и беглое воспоминание об исторических древностях, которые он (якобы) видел в Киево-Печерской лавре и Софийском соборе (а скорее всего, прочитал о них у Карамзина и Бантыш-Каменского²). Между тем до нас дошло одно удивительное, хотя и мало-достоверное предание, связывающее поэта с великим городом и древней традицией. Сказку эту (своего рода незаконнорожденное «киевское» дитя русского символизма) мы бы хотели поведать теперь свету.³

ПЛАМЕНЕЮЩИЙ СТЕБЕЛЬ

В романе хорошего писателя, переводчика, «умного человека» (по словам Л. Н. Толстого) и склонного к мистицизму «голубоглазого мечтателя» (по выражению Бориса Зайцева) Ивана Алексеевича Новикова (1877—1959)⁴ «Пушкин на юге»⁵ описывается визит молодого поэта и его киевского друга Николая Раевского-младшего (сына генерала) в Софийский собор. Приходят они туда по просьбе Пушкина рано утром. Сонный Раевский ворчит: «Да у тебя там свидание, что ли?» — «Вроде того, — смеется поэт. — Хочу очиститься от скверны и подышать горным воздухом».⁶

шутка Пушкина, побывавшего у них в феврале 1821 г.: «Молодой поэт Пушкин был сослан за стихи в Киев, и он говорил, что “Язык его довел до Киева и, может быть, даже за Прут”» (цит. по: Андроников И. Л. Лермонтов: Исследования и находки. М., 1964. С. 162). Возможно, что Пушкин побывал в Киеве еще раз проездом из Кишинева в конце 1822 г. (Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. С. 504—505).

² Так, надгробная надпись Кочубею и Искре, якобы списанная Пушкиным непосредственно с могильной плиты в бытность его в Лавре, на самом деле представляет собой выписку из «Истории Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменского (М., 1822. Ч. 3. С. 231; см.: Флейшман Л. С. Поэзия как проза: Нарратор в пушкинской «Полтаве» // *Analysieren als Deuten: Wolf Schmid zum 60. Geburtstag*. Hamburg, 2004. S. 328).

³ Выражаю признательность А. Ю. Балакину, А. А. Долинину и О. А. Прокуруину за ценные замечания, высказанные по поводу этой работы.

⁴ О творчестве и мировоззрении этого необычного и недооцененного автора см.: И. А. Новиков в кругу писателей-современников: Сб. научных статей, посвященный 125-летию со дня рождения И. А. Новикова. Орел; Мценск, 2003; Грачева А. М. Новиков Иван Алексеевич // *Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: Библиографический словарь: В 3 т. / Под ред. Н. Н. Скатова*. М., 2005. Т. 2. С. 660—661.

⁵ Первые части романа напечатаны (в сокращении): Новый мир. 1943. № 7—11; отд. изд.: М., 1944. В 1947 г. в переработанном виде выпущен как часть дилогии «Пушкин в изгнании».

⁶ *Новиков И. А. Пушкин на юге* // Новый мир. 1943. № 7—8. С. 37.

И «свидание» это, по словам повествователя, «все ж таки состоялось» — как своего рода рандеву... с самой Девой.

Осматривая иконостас и колонны в древнем храме, новиковский Пушкин останавливает взор на «чудесной мозаике» Девы Марии (речь идет о знаменитом Киевском Благовещении XI века), в которой видит «не приснодеву, а подлинную земную девушку», занимающуюся работой: «в одной руке кудель, в другой нить, на нити веретено». Ему кажется, что она «приостановилась, глядит» и видит, как «на другой стороне арки» архангел Гавриил «шагает в сандалиях, шаг размашист, широк».⁷

Раевский авторитетно разъясняет поэту, что Гавриил держит посох как «символ всех путников, всех посланцев во имя божие», но Пушкин с усмешкой отвечает, что хотя он и сам поэт-странник и посланник богов, но видит здесь *иной* — судя по приведенному ниже описанию, одновременно высоко религиозный и вполне себе материальный, даже физический — объект:

Действительно, посох кажется больше похожим на огромный стебель лилии, только почему же он красный? А над пальцами правой руки, средним и указательным, поднятым вверх, действительно не столько крест, венчающий жезл, сколько розетки цветка. Однако же стебель вверху пламенеет гранатовыми цветными пятнами между белых звездочек-лепестков. Посланец небес только ступил на милую грешную землю, как уже горячий огонь обжег его внезапною страстью. И тот же огонь уже зажег пряжу Марии: кудель, нить, веретено.

*А может быть, и наоборот — ответ ее пурпурной пряжи осветил собою ответным огнем цветок из небесных садов?*⁸

Далее Новиков романтически (вспоминается программная статья В. А. Жуковского о Рафаэлевой Мадонне) описывает процесс спиритуального сближения, если не соития, зрителя и Марии:

*Они еще не близки, но видят друг друга. Пространство их разделяет, и это пространство полно пламенеющим морем свечей, и каждая свеча как открытое, горящее сердце. И внезапно в хоре стал различим раньше терявшийся между других молодой женский голос, и в нем была вся полнота цветущей, ликующей жизни. Это было чудесно, как если бы солнце раздвинуло своды и засияло на вышине.*⁹

⁷ Новиков И. А. Пушкин на юге. С. 37.

⁸ Там же; здесь и далее курсив в цитатах мой. — И. В.

⁹ Там же.

Наконец, «и библия, и Парни, и Вольтер, и эта мозаика в храме, сквозь бледные краски которой пурпуром глянуло солнце язычества, да и не язычества... а солнце земли, на ней творящее жизнь, и это потрескивание горящих свечей, и мреющий воздух над ними, — все это вместе» начинает «*колыхаться*» в воображении поэта

в каком-то *внезапном, поэтически-ясном, озорном и чистом одновременно* — в замысле? Нет еще... Но в *предчувствии* — да.

В этом свете огней, усиленном еще и отсветом, идущим от пышных царских врат, позолоченных, богато украшенных выпуклою растительной орнаментикой, и лицо самого Пушкина, со сжатыми губами и немигающим взором, как бы мерцало — в ладу и соответствии с возникавшим в душе *скрытым волнением, то за-тихавшим порою, то вновь разгоравшимся*.¹⁰

Этот порыв замечает Раевский, ибо «дружба внимательна»:

— Да что ты? — спросил он тихонько. — А ведь и верно: ты сам... ты и сам ведь сейчасходишь на Гавриила. Пушкин лишь усмехнулся и отвечал очень коротко:

— Пожалуй, пойдём.

Так и случилось, что в это утро в нем проросло новое детище — «*Гаврилиада*», *зачатое в Киеве, осуществленное потом — в Кишиневе*.¹¹

Таким образом, результатом вспыхнувшей страсти Пушкина к киевской Марии оказывается «зачатие» им (в нем) замысла веселой кощунственной поэмы, родившейся через несколько месяцев в бессарабском городишке.¹² Иначе говоря, перед нами весьма не-

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 36—37.

¹² Как любезно указал нам О. А. Проскурин, мотив «зачатия» является сквозным в новиковском осмыслении и описании творчества (в том числе и собственном). Проскурин приводит пример из письма писателя Н. И. Замошнину (редактору его романов о Пушкине) от 25 июля 1943 г.: «...в Тбилиси выйдет книжечка, зачатая и рождаемая в Грузии (9 месяцев, как подобает уважающей себя матери)...» (цит. по: *Дейч Е. К.* Эпистолярное наследие И. А. Новикова в фондах РГАЛИ // И. А. Новиков в кругу писателей-современников. С. 145). И еще один пример из письма от 7 сентября 1943 г.: «Думаю, что не случайно Михайловская осень 1924 года, когда и я бродил по берегам Сороти, зачала мой роман о Пушкине» (Там же. С. 141). Истоки этого образа, по мнению Проскурина, следует искать уже в раннем, символистском периоде его творчества. Заметим, что бытующая в немногочисленных работах о Новикове (см. упоминавшуюся вы-

Благовещение. Мозаика Софийского собора (Киев)

тривиальная версия непорочного зачатия, в которой Пушкин выступает как роженица!

В предлагаемой статье мы постараемся показать, какую роль играет это фривольное видение в романе пожилого советского писателя Новикова и как связано оно с его оригинальной теорией художественного творчества, киевскими реалиями, символистской традицией начала XX века и русской пушкинистикой 1900—1940-х годов.

ше статью А. М. Грачевой из библиографического словаря «Русская литература XX века») концепция постепенного преодоления писателем символизма не представляется нам убедительной. Скорее имеет смысл говорить о трансформации или мимикрии символизма и эстетического богоискательства в его советских произведениях.

Начнем с того, что Новиков сознательно включает в видение поэта в киевском храме образ (и голос) реальной молодой женщины, полной «цветущей, ликующей жизни». Речь здесь, несомненно, идет о юной дочке генерала Раевского Марии Николаевне (1804¹³—1863), которую писатель считал пушкинской музой «южного периода». В самом деле, накануне визита в Софийский собор «на свидание» с Приснодевой новиковский Пушкин остается с юной Раевской (его «вечерней звездой, миром и покоем») один на один в библиотеке и читает (по сути дела, подносит) ей стихотворение «Редеет облаков летучая гряда...» («Таврическая звезда»).¹⁴ О последних двух строках («И дева юная во мгле тебя искала / И именем своим подругам называла») Мария говорит, что их нельзя печатать: «Нельзя: это ведь было... А я не хочу...» (с. 32). История любви поэта к Марии представляет собой одну из важных сюжетных линий романа «Пушкин на юге». Много лет спустя Новиков и его падчерица Марина Владимировна Новикова-Принц (1912—1989) напишут основанное на этом произведении либретто оперы под говорящим заглавием «Пушкин в изгнании, или Пушкин и Мария Раевская» (1957).¹⁵

Разумеется, в своем повествовании о «южной любви» Пушкина, зародившейся в Крыму или даже еще раньше, в Петербурге, Новиков следует за известной гипотезой П. Е. Щеголева¹⁶ (да и сама Мария Раевская-Волконская в воспоминаниях намекала на влюбленность поэта в нее¹⁷). С образом Раевской сторонники этой

¹³ Дата рождения М. Н. Раевской установлена: Бухаров В. Г. Усыпальница семьи Раевских, Мария Николаевна Волконская и Александр Сергеевич Пушкин // Декабристское кольцо: Вестник Иркутского музея декабристов: Сборник статей. Иркутск, 2011. Вып. 1. С. 6.

¹⁴ О борьбе «марининской», «екатерининской» и «еленинской» партий (три сестры Раевские) за главного адресата этой элегии см.: Долинин А. А. Еще раз о загадке «Таврической звезды» // Седьмая международная летняя школа по русской литературе: Статьи и материалы. 2-е изд. СПб., 2012. С. 18, 21. По мнению исследователя, на роль элегической красавицы Пушкина болезненная Елена Раевская подходит лучше, нежели «совсем “гадкий утенок”» Мария и их властная, решительная старшая сестра Екатерина (с. 37—38).

¹⁵ Музыка ученика Н. Л. Мяковского, преподавателя Московской консерватории Бориса Семеновича Шехтера (1900—1961). См.: И. А. Новиков в кругу писателей-современников. С. 133—134.

¹⁶ См.: Щеголев П. Е. Из разысканий в области биографии и текста Пушкина // Пушкин и его современники. СПб., 1911. Вып. 14. С. 53—193.

¹⁷ См.: Волконская М. Н. Записки / Перевод с франц. оригинала А. Н. Кудрявцевой; Биографич. очерк и примеч. П. Е. Щеголева. 2-е изд. СПб., 1914. С. 61—62.

биографической легенды связывают лирический цикл написанных в изгнании стихотворений, а также поэму «Бахчисарайский фонтан» (образ Марии) и более позднюю «Полтаву», которую поэт якобы (скорее всего, в действительности) посвятил Марии Николаевне.¹⁸ К числу произведений, вдохновленных этой Беатриче Пушкина, Щеголев отнес и эротическое стихотворение «Нереида», написанное в Каменке в конце 1820 года:

Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду,
На утренней заре я видел Нереиду.
Сокрытый меж дерев, едва я смел дохнуть:
Над ясной влагою — полубогиня грудь
Младую, белую как лебедь, воздымала
И пену из власов струею выжимала.
(АПСС. Т. 2. Кн. 1. С. 156)¹⁹

По остроумному замечанию О. А. Проскурина, писатель-пушкинианец В. В. Вересаев (друг Новикова) заставил поэта подглядывать именно за ее купанием в гурзуфской бухте:

В прибрежной маслиновой роще, прижавшись к *серому стволу*, молодой человек с курчавою, в крутых завитках, головою стоял и жадно глядел вправо: меж двух невысоких лавровых кустов голубел выгиб бухты... В бухте купалась девушка. Она стояла спиною к нему. Белели наклоненные плечи, вздымались тихо зеленоватые волны, и в них вздымались концы распущенных черных волос. Девушка повернулась, робко окинула взглядом берег. Молодой человек еще теснее прильнул к стволу. Она наклонила голову набок и стала выжимать из волос воду. Видел он молодую девическую грудь, прелестные, тонкие руки. Звенело в ушах, сердце билось крепкими толчками. Полная губа оттопырилась. *Выпуклые глаза налились кровью и с свирепой похотью дикаря впились в нагое, худощавое тело с недоразвитой грудью* <sic! — И. В.>. Если бы она увидела, если бы увидел его один из ее братьев — какой был бы позор! Какой позор был бы!.. *Щелкнул под ногами сучок, он*

¹⁸ См. историю спора об адресате поэмы: Лотман Ю. М. Посвящение «Полтавы»: (Адресат, текст, функция) // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки. 1960—1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995. С. 253—254; Ларионова Е. О. Полтава // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2020. Вып. 4: П—Р. С. 237—238.

¹⁹ См. подробный комментарий к стихотворению: Охотин Н. Г. Нереида // Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 3. С. 346—347.

сжался, воровато оглянулся и опять вонзился взглядом в нее. А она уже выходила из воды. И все больше открывалась запретная красота, ни разу еще не тронутая мужским взглядом. Он задержался, как припадочный, и слабо застонал в бешенстве бесстыдного желания.²⁰

Новиков в своей реконструкции эротического видения поэта по сути дела «повторяет» прием Вересаева, показывая «лицо самого Пушкина, со сжатыми губами и немигающим взглядом», которое «как бы мерцало — в ладу и соответствии с возникавшим в душе скрытым волнением, то затихавшим порою, то вновь разгоравшимся» (при этом серый ствол заменяется на не менее суггестивный огромный пламенеющий стебель в руке архангела). Как и у Вересаева, из сублимированной пушкинской страсти рождается эротическое произведение, посвященное той же юной Раевской.²¹

Против выдуманной Щеголевым легенды о тайной любви Пушкина иногда выдвигается аргумент, что Мария Раевская была слишком молода, чтобы стать объектом столь серьезной страсти поэта в период его южной ссылки (и слишком смугла для образа белоградской полубогини из «Нереиды»²²). Но, как мы видели, это воз-

²⁰ Вересаев В. В. Поэт: (Комментарии) // Красная новь. 1924. № 2. С. 246. По смелой гипотезе Проскурина, источником антологического стихотворения Пушкина послужила картина Тициана «Венера Анадиомена» (ок. 1520), которую поэт мог видеть на репродуктивной гравюре Гильома-Филиппа Бенуа, висевшей «на стене гостиной или хозяйского кабинета в гостеприимном доме Василия Львовича Давыдова в Каменке, где в конце 1820 года и была создана “Нереида”» (<https://o-proskurin.livejournal.com/172725.html>; обращение 18.10.2022). В свою очередь, источником страстной уайеристской сцены у Вересаева могла быть история о купающейся Вирсавии, к которой внезапно воспылал страстью царь и поэт Давид, — сюжет, легший в основу короткой эротической поэмы князя Д. П. Горчакова, которую В. Ю. Проскурина считает одним из источников пушкинской «Гавриилиады» (см.: Проскурина В. Политический либертинаж в XVIII веке: (Князь Д. П. Горчаков и его «Святки») // Русско-французский разговорник, или / ou Les Causeries du 7 Septembre: Сб. статей в честь Веры Аркадьевны Мильчиной. М., 2015. С. 11–22).

²¹ В романе «Пушкин на юге» текст стихотворения «Нереида» рождается из музыки солнечных лучей: «Пушкин прилег на землю и закрыл глаза. Солнце слабым лучом бередило опущенные ресницы, и от этого легкого касания в сердце возникала неясная музыка. Снова пред ним ожил Кавказ и Юрзуф, южное море, и, как на заре, он видел в волнах Нереиду... Музыка еще не рождала слова, но когда-нибудь придут и они! Слабая улыбка тронула губы, потом они дрогнули, полуоткрылись и пропустили легкое дыхание. Пушкин для себя незаметно уснул» (Новый мир. 1943. №7–8. С. 14). «Легкое дыхание» любви здесь едва ли не от Бунина.

²² См.: Гофман М. Л. Пушкин — Дон-Жуан. Париж, 1935. С. 62.

ражение никак не повлияло на творческую фантазию автора «Пушкина на юге». Более того, новизна и смелость его гипотезы заключается в том, что идеологически главным пушкинским текстом, связанным с образом юной Раевской, оказывается не романтически возвышенный «Бахчисарайский фонтан», а непристойная, но очаровательная поэма о ее тезке и ровеснице, в свою очередь навеянная созерцанием образа Марии с высоко поднятыми — аркообразными — бровями на мозаике в Софийском соборе.

В этом религиозно-эротическом контексте особое (озорное) значение приобретает знаменитое обращение к еврейке в начале «Гавриилиады», в котором биографы поэта видят отсылки к знаменитым красавицам, окружавшим его в Кишиневе:

Шестнадцать лет, невинное смирень,
Бровь темная, двух девственных холмов
Под полотном упругое движенье,
Нога любви, жемчужный ряд зубов...
Зачем же ты, еврейка, улынулась,
И по лицу румянец пробежал?
Нет, милая, ты право, обманулась:
Я не тебя, — Марию описал.

(IV, 121)

«Соль» игривого зачина к поэме заключается (если мы правильно поняли намек Новикова) в его ничем не прикрытой откровенности: адресат «Гавриилиады» прямо связывается с земной — шестнадцатилетней, чернобровой, смуглой, стройной и благочестивой — Марией Раевской (даже фамилия возлюбленной попадает в тему),²³ к чьим ногам поэт еще на Черном море хотел прильнуть губами. Иначе говоря, если это описание красавицы и обращено к какой-то конкретной кишиневской еврейке,²⁴ то описывает здесь

²³ Приведем в этом контексте известное описание Марии Раевской влюбленным в нее графом Густавом Олизаром (считавшим, что Пушкин посвятил ей «Бахчисарайский фонтан»): «Когда из нескладного ребенка начала формироваться прекрасная дева, когда легкая смуглость лица дополнилась и оттенилась тяжёлыми локонами вьющихся волос и полными огня глазами, в обрамлении черных бровей и длинных ресниц, когда худоба и костистость измученной науками девушки сменилась при высоком росте на гибкий, воздушный и чрезвычайно тонкий стан, Мария Раевская стала украшением собраний и балов; с развитым умом и прекрасным талантом пения, она была предметом всеобщего обожания и восторга» (Копылов А. Ф. Мемуары графа Олизара // Русский вестник. 1893. № 9. С. 102).

²⁴ Ср. импрессионистическое замечание П. Губера в книге о донжуанском списке Пушкина: «...женщина, облик которой мерещился поэту во время созда-

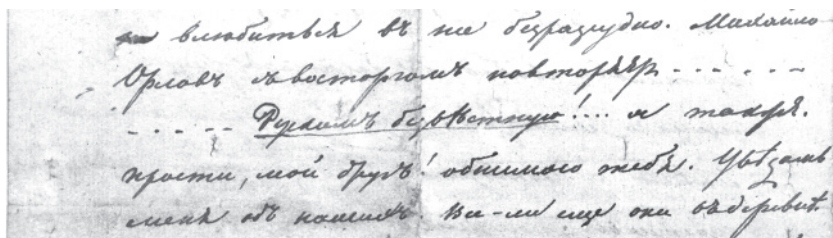
Пушкин (по логике Новикова-толкователя) не ее, а живую Марию — его киевскую возлюбленную, предмет нереализовавшегося (как в «Нереиде», по Вересаеву) вожделения.²⁵

Заметим попутно, что Новиков загодя вводит в лирическое сознание Пушкина визионерско-рыцарственную мариальную тему, преломляя последнюю как в героинях романа (образы прекрасных сестер Раевских), так и в идеологических (в том числе политических) аллюзиях. Так, отталкиваясь от известного кишиневского письма Пушкина к брату Льву от 24 сентября 1820 года, Новиков (сам поэт) смело «реконструирует» (точнее, *сочиняет*) пропущенный (или, по Б. Л. Модзалевскому, частично выжженный из письма) текст политического стихотворения младшего брата поэта, в котором фигурировали слова «русским безвестную», восхитившие Михаила Орлова.²⁶ Новиков, заполняя пушкиноведческую лауну,

ния “Гаврилады”, по всем вероятностям, необычайно сильно действовала на его эротическую восприимчивость» (*Губер П. К. Дон-Жуанский список Пушкина: Главы из биографии. Пб., 1923. С. 95*).

²⁵ Заметим в этой связи популярную версию о том, что в финале поэмы под именем Елена скрывается старшая сестра Марии Елена (см.: *Пушкин А. С. Гавриладида: Поэма / Ред., примеч. и коммент. Б. В. Томашевского. Пб., 1922. С. 46*).

²⁶ «Теперь я один в пустынной для меня Молдавии. По крайней мере пиши ко мне — благодарю тебя за стихи; более благодарил бы тебя за прозу. Ради бога, почитай поэзию — доброй, умной старушкой — к которой можно иногда зайти, чтоб забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ее милым болтаньем и сказками; но влюбиться в нее безрассудно. Михайло Орлов с восторгом повторяет *Русским безвестную!*... я также» (ГД 1269, л. 9—9 об.). По сообщению П. О. Морозова (см.: *Пушкин А. С. Соч. СПб., 1887. Т. 7. С. 11*), после слов «повторяет» и «безвестную» письмо было прожжено; это сообщение было повторено П. А. Ефремовым (см.: *Пушкин А. С. Соч. СПб., 1903. Т. 7. С. 19, 417*) и развито Б. Л. Модзалевским: «После слов “повторяет” и “безвестную” письмо в двух местах прожжено, что и отмечено точками» (*Пушкин А. С. Письма / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1926. Т. 1: 1815—1825. С. 216*). Хотя в комментарии к этому письму в академическом Полном собрании сочинений Д. Д. Благой указал, что оно «ни на чем не основано» (XIII, 423), сведения о прожженном письме, восходящие к Морозову и канонизированные Модзалевским, вошли в научный оборот. Так, академик М. П. Алексеев по поводу утраченного текста замечает: «Донные не объяснено еще, что имел в виду Пушкин, когда писал брату из Кишинева 24 сентября 1820 г.: “Михайло Орлов с восторгом повторяет... *Русским безвестную!*... я также”. Подлинник этого письма дошел до нас в поврежденном виде; случайностью ли, однако, следует объяснять тот факт, что автограф прожжен в тех местах, где поставлены точки?» (*Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972. С. 169*). На самом деле, согласно любезно предоставленной нам Т. И. Краснобородько справке, никаких следов огня в автографе нет (хотя есть проколы бумаги) и пропуски слов отмечены 12-ю точками-штрихами

Письмо Пушкина к Л. С. Пушкину от 24 сентября 1820 г.
(ПД 1269, л. 9 об., фрагмент)

утверждает, что стихи эти были на самом деле пародией пятнадцатилетнего Льва Пушкина на «Народный гимн» Жуковского «Боже, Царя храни» (1815) и приводит целую строфу из этого фантастического политического бурлеска:

Точно в стиле верноподданнического гимна Левушка восклицал:

Деву прелестную,
Русским безвестную,
Волю чудесную
Нам ниспосли!

Михаил Федорович Орлов ходил по комнате и все повторял:
— Русским безвестную... Точно русским безвестную.²⁷

В честь этой прелестной девы-свободы поднимают бокалы восторженные заговорщики из «Каменки тенистой».

после слова «повторяет», семью в конце строки и пятью — в начале следующей строки.

²⁷ Новый мир. 1943. № 7—8. С. 9. Гипотезу Новикова о пародировании верноподданнического гимна повторили некоторые позднейшие комментаторы Пушкина (см., напр.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 3-е изд. М., 1965. Т. 10. С. 661; примеч. Л. Б. Модзалевского и И. М. Семенко под ред. Б. В. Томашевского; Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. 9. С. 412; примеч. И. М. Семенко; Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 853; примеч. С. В. Березкиной; Лев Сергеевич Пушкин в кругу современников / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. И. А. Муравевой. СПб., 2005. С. 284). Новиковская строфа (очевидно, литературная мистификация) не упоминается в статье Л. Н. Киселевой, посвященной пародиям на «гимн» Жуковского, часто включавшим политически-агитационные мотивы: Киселева Л. Н. «Боже, Царя храни...» в зеркале пародии // «Образ мира, в слове явленный...»: Сб. в честь 70-летия профессора Ежи Фарино. Siedlce, 2011. С. 275—282.

Можно сказать, что в символическом плане романа софийская Мария оказывается своеобразным воплощением «благой вести», представленной в разных инкарнациях в сознании молодого поэта с пламенеющим стеблем.

«КРАСНАЯ ЛИЛИЯ»

В творческой биографии Новикова, в отличие от пушкинской, Киев занимал особое место. Здесь писатель прожил несколько лет до революции (1901—1908), создал два романа, ряд пьес, рассказов и много стихотворений (в 1910 году в Киеве вышла книга его стихов «Дыхание земли»). Весной 1940 года он приехал в город собирать материалы для книги о Пушкине на юге. «Жаль, жаль, что Пушкин в Киеве был зимой, — пишет он жене. — Вся это моя поездка не зря. Я все время думаю об этом будущем романе и поколыхиваю его в разные стороны» (обратим внимание на «символистский» глагол «колыхаться», который Новиков использовал в описании пушкинского видения).²⁸ Похоже, что именно свои собственные восторженные ощущения от города он и передал в романе молодому поэту:

Киевом Пушкин очень интересовался, и Киев его пленял. Пленял и своей красотой, могучим Днепром, закованным в латы зимы, крутыми горами, вековыми дубами, и липами, и красавицей-тополью, как тут называли нежно — по-женски <...>. И был еще Киев другой, среди оживления, говора, шума хранивший в своей многовековой тишине внятную музыку прошлого. В этих соборах и колокольнях как бы отлито самое время: древняя Русь, истоки истоков.²⁹

В сцене в Киевской Софии Новиков пытается реконструировать творческий процесс Пушкина, отталкиваясь от его литературных и идеологических источников (Библия, Вольтер, Парни) и отсылая читателя к будущим произведениям поэта. Так мотив стебля и цветка в руке Гавриила «предвосхищает» стихи из «Гавриилиады»:

²⁸ Цит. по: *Маричева Л. М.* Летопись жизни и творчества И. А. Новикова // *И. А. Новиков в кругу писателей-современников.* С. 27. Схожий мотив, резонирующий с описанием пикантного стебелька, влетает и в описание Марии Раевской, смотрящей на Пушкина: «Мария глядела на него издали, и рука ее, все еще державшая тонкую ножку бокала, дрогнув, заколебалась» (*Новый мир.* 1943. № 7—8. С. 39). Пушкин этого, как замечает пронизательный автор, не видит.

²⁹ *Новый мир.* 1943. № 7—8. С. 35—36.

И тайный цвет, которому судьбою
Назначена была иная честь,
На стебельке не смел еще процвести.
Ленивый муж своею старой лейкой
В час утренний не орошал его;
Он как отец с невинной жил еврейкой,
Ее кормил — и больше ничего.
(IV, 122)

...И вдруг летит в колени милой девы,
Над розою садится и дрожит,
Клюет ее, колышется, вертится,
И носиком и ножками трудится.
Он, точно он! — Мария поняла,
Что в голубе другого угощала;
Колени сжав, еврейка закричала,
Вздыхать, дрожать, молиться начала,
Заплакала, но голубь торжествует,
В жару любви трепещет и воркует,
И падает, объятый легким сном,
Приосеня цветок любви крылом.
(IV, 135)

Отзываются эти «мариальные» образы и в «Евгении Онегине». Перед дуэлью Ленский желает спасти свою возлюбленную от «развратителя» Онегина и не допустить,

Чтоб червь презренный, ядовитый
Точил лилеи стебелек;
Чтобы двухутренний цветок
Увял ещё полураскрытый.
(VI, 124)

(Вспомним остроумную реконструкцию эротико-порнографического плана «элегий» Ленского О. А. Проскуриным.³⁰)

В целом психологический метод Новикова, опирающийся на доскональное изучение историко-литературного контекста, близок научной беллетристике Юрия Тынянова (достаточно вспомнить историко-биографическую реконструкцию последним генеалогии

³⁰ См.: Проскурин О. А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М., 1999. С. 148 и далее.

эротической поэзии Пушкина³¹). В то же время приведенная выше сцена из новиковского романа говорит о бывшем символисте Новикове гораздо больше, чем о его любимом герое: она преломляет как актуальную для писателя литературно-мистическую традицию (соловьевскую софиологию в блоковском изводе: «Предчувствую тебя...» и т. п.), так и его этнографическую и искусствоведческую эрудицию.³² Очевидно, что Новиков сталкивает и обыгрывает в этом эпизоде две бытовавшие с середины XIX века интерпретации предмета в руках Гавриила на фреске в Софии — жезла странника или белоснежной лилии — символа чистоты Богородицы. Сравните:

Архангел одет в белый хитон с широкими клавами и слегка расцвеченный в тенях гиматий; в руке его находится *красный жезл или посох путника* с крестом на конце — обычный атрибут всех посланных во имя Божие.³³

Архангел Гавриил изображен как бы движущимся в направлении к ней. Он одет в белый хитон с красными швами поверх хитона; на нем белая хламида; поручи золотистые с красными поперечными полосками; ноги обнаженные с перевязью коричневого цвета. Правая рука Архангела поднята вверх; *в левой руке он держит красную лилию*.³⁴

³¹ Виноцкий И. Ю. «Ах! Как люблю я птицу эту»: О чем молчит соловей в романе Юрия Тынянова «Пушкин» // Виноцкий И. Ю. О чем молчит соловей: Филологические новеллы о русской культуре от Петра Великого до кобылы Буденного. СПб., 2022. С. 152—171.

³² Метод Новикова, равно как и его символистскую теорию художественного творчества, хорошо иллюстрирует следующий пример. Молодой Пушкин по дороге в Киев слышит лирически-проникновенную и эпически-строгую украинскую песню «Из-за горы сніжок летить...», в которой целая жизнь героя оказывается оборвана «в самом цветении молодости» — музыкальная кода к теме краткости жизни самого поэта (Новиков в одном из писем к жене указал, что именно эту песню он услышал во время своего путешествия в Киев за материалами для книги о поэте в 1940 году). Самые образы этой песни, по Новикову, «ворон, жаждущий крови богатыря, и верный друг воина — конь, их нерушимая дружба — как все это западало на сердце! А художник-поэт, никогда его не покидавший, следил между тем, как неразрывны слова и мелодия, как возникало, играя и переливаясь, это подлинное волшебство интонации. Да, бывает — стихи маршируют, и бывает — живут своею особенною музыкальною жизнью. <...> Так и песня сама, и мысли, ею порожденные, не слишком отчетливые, но музыкально понятные, сливались в одно... Киев открылся путникам на заре» (Новый мир. 1943. № 7—8. С. 30—31).

³³ Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1891. Вып. 4. С. 125.

³⁴ Орловский П. И. Св. София Киевская, ныне Киево-Софийский кафедральный собор. Киев, 1998. С. 36.

Вопрос, выделенный в новиковском экфразисе («почему же он (цветок в руке архангела. — *И. В.*) красный?») не только подчеркивает непристойный намек, но и отсылает, по всей видимости, к популярному в эпоху юности Новикова символично-эротическому стихотворению о «Киевском Благовещении» Мирры Лохвицкой «Красная лилия»:

Под тенью меж колоннами, ведущими во храм,
Уснула Дева чистая, сжигая фимиам.
Мечты Ее безгрешные небесный сон повил; —
Пред Нею вестник радости, Архангел Гавриил.
От риз Его сияние, какого в мире нет.
Он держит красной лилии благоуханный цвет.
Он к Спящей наклоняется на сон Ее взглянуть —
И шепчет: «Благодатная, благословенна будь!»
И сонмы светлых ангелов и тьмы бесплотных сил,
Склоняясь над Пречистою, парят в дыму кадил,
И каждый символ лилию роняет Ей на грудь,
И каждый вторит радостно: «Благословенна будь!»³⁵

Нет никаких сомнений в том, что Новиков это стихотворение хорошо знал. Оно вошло в киевскую «Антологию современной поэзии» 1912 года, в которой опубликованы были символистские стихи будущего автора романа о Пушкине («Избиение младенцев», «Дитя ночи», «Ранней весной»).

Более того, творческая оптика, приписываемая Новиковым своему герою, скорее всего, настроена в соответствии с влиятельной в России в 1910—1920-е годы фрейдовской теорией сновидений, нашедшей свое отражение и в вересаевском пушкинизме.³⁶ Так, отец психоанализа анализирует сновидение своей пациентки по имени Мария, увидевшей себя с высоким цветочным стеблем, «как у Архангела на картинах Благовещения Девы Марии», причем стебель этот был «покрыт большими белыми цветами, похожими на камелии (противуположность непорочности — дама в камелиях)». В другом месте Фрейд истолковывает привидевшийся пациентке стебель лилии как указание на половую невинность, но так как ветка

³⁵ Антология современной поэзии. 2-е изд. Киев, 1912. С. 496. (Чтец-декламатор. Т. 4).

³⁶ Рецензенты ранних сочинений писателя указывали на близость его творческого метода фрейдовскому психоанализу (см.: Михайлова М. В. Творчество И. А. Новикова в дореволюционной критике // И. А. Новиков в кругу писателей-современников. С. 42).

в ее руке «сплошь усажена красными цветами, каждый из которых напоминает камелию», то перед нами «несомненные намеки на месячные», то есть половая невинность (белизна лилии) в образе здесь совмещается со своей противоположностью («махровые камелии», ассоциирующиеся с куртизанкой из романа Дюма-сына) — возможно, намеком на отдельные прегрешения против сексуальной чистоты и невинности.³⁷ В этом эротическом контексте, как нам представляется, обретают свой дополнительный смысл образы прялки и розетки цветка (ой!) в новиковском описании видения Пушкина.

Наконец, приписанное Новиковым поэту киевское видение «Гавриилиады» оказывается глубоко укорененным в его собственном творчестве дореволюционного периода. Так, в написанном в Киеве символистском романе «Золотые кресты» (1908) — произведении, в котором, по словам Нины Петровской, «идея будущего идеального христианства» предстает как «разрешение борьбы христианства и язычества»³⁸ (вспомним соответствующее рассуждение в новиковском описании видения Пушкина), описывается барельеф гениального скульптора-мистика Андрея Ставрова, изображающий, по словам его гостя, христианина-аскета Глеба, девушку или святую «или саму Вечную Женственность»: «Так тонки, так благородны черты лица. <...> Кто тебя вдохновил на эту вещь? Андрей, кто она?» Ответ художника представляет собой характерную параллель к пушкинской поэме и прообраз сцены в советском романе «Пушкин на юге»:

— Видишь ли, это кое-что из Евангелия. Ранним утром Галилейская Девушка встала, самая чистая и самая святая Девушка, какая когда-либо в мире была. Я думаю, это очень рано было. Синели холмы вдалеке, а впрочем, не знаю, так ли это было, но видится мне так. Утренние синие росы еще лежали повсюду. Я так вижу все это, что целую поэму мог бы сейчас написать. Ей не спалось или мало спалось, но голова ее чиста и свежа, и благоуханное дуновение пробуждающихся цветов омывает все ее тело. Она вышла в сад. Хотела полить цветы, и вот наклоняется к ним, чтобы дать воды, и чудесно распускаются перед нею цветы — из тех, что случайно упали на землю из райских садов. Видишь, они распустились. Этот еще распускается. Они должны быть живые, они благоухать долж-

³⁷ См.: Фрейд Э. Толкование сновидений // Собр. соч.: В 10 т. М., 2004. Т. 2. С. 317, 322, 343.

³⁸ Петровская Н. И. Иван Новиков. Золотые кресты. М., 1908 // Весы. 1908. № 1. С. 99.

ны. А там на фоне зари Девушка стала лицом на восток — образ крылатого вестника — легкого юноши, может быть, сон ее, еще не отлетевший и стремящийся к ней, или мечта пробудившаяся, или небесный, чаемый гость.

— Это... благовещение?

— Да, это благовещение. Это не совсем по-христиански, но я сам люблю эту свою работу.³⁹

Далее художник признается, что образ Марии списан им с возлюбленной Глеба, богоискательницы Анны. В центральной для романа сцене обмена крестами союз героев описан как эротическое слияние земного и небесного начал:⁴⁰

Глеб приподнялся и, открыв широко глаза, глядел на нее и не узнавал. Была Анна — и та, и другая. *Кипящий внутренний ключ возбуждения* напоил, пронизал ее всю, и пенилось в порыве его *преображенное тело*. Точно *священная страсть охватила девушку с неведомой, впервые пришедшей к ней силой*. В глазах горел, и блистал, и переливался скрытый, но явный огонь. Трепетала нежная кожа ее, и краска румянца одной мягкой волной омывала лицо, спадая на грудь по стройной девической шее. И эта открытая так свободно, с порывом чистой любви свежесть девственных линий, эта невинная мягкость всех очертаний, вдруг просветленных и зажженных страстным порывом, — обворожила, обошла извечными чарами своими размягченную Глебову душу. *Это видение вошло в нее и навеки запечатлело себя, как в мягком воске расплавленной церковной свечи*.⁴¹

Показательно, что чуткая Петровская в своей рецензии отметила «дразнящий» эротико-визионерский характер романа, отличающегося «тончайшим напряженным сладострастием под кощунственным знаком “золотых крестов”». ⁴² Эти язык и образность 1900-х годов неожиданно оживают в произведении 1943 года. Так, например, похоже, что «дева безвестная» из мистифицированных стихов Льва Пушкина залетела в роман о поэте из ранней символистской колыбельной Новикова «Сонный домок» (1910):

³⁹ Новиков И. А. Золотые кресты: Роман. Повести и рассказы. Мценск, 2004. С. 73–74.

⁴⁰ См.: Михайлова М. В. Творчество И. А. Новикова в дореволюционной критике // И. А. Новиков в кругу писателей-современников. С. 37–39.

⁴¹ Новиков И. А. Золотые кресты. С. 98.

⁴² Весы. 1908. № 1. С. 98.

А к вечеру в садочек
Пречистая сойдет,
И много, много дочек
Сироток приведет.

И хоровод затеет
У райских светлых врат,
И крыльями обвеет
Детей Шестикрылат.

У заснувшей девочки
Светел тихий сон.
Под мои припевочки
Напевал ей — он.

*Даль и ширь безвестная,
Ласкова к ней будь!
Дева Невестная,
Детку не забудь!*⁴³

ВЕЧНАЯ ЖЕНСТВЕННОСТЬ

Как мы видим, предложенная писателем интерпретация киевско-мариального происхождения эротической поэмы Пушкина, якобы посвященной Марии Раевской, в своей идеологической (и стилистической) основе принадлежит культуре русского символизма начала XX века, одной из отличительных черт которой является эстетизированная апология «мистической эротики» (или эротизированной мистики), весьма далекой от «науки страсти нежной» озорного поклонника Парни и Вольтера, но очень близкой писателю Новикову в 1900-е годы.

В этом модернизационно-мифотворческом плане показательно, что созданная писателем киевская версия «зачатия» эротической поэмы Пушкина легко опровергается историческими фактами. Два столба с мозаичными изображениями Гавриила и Марии в Киевской Софии Пушкин никак не мог видеть во время своего посещения Киева в начале 1821 года — их тогда закрывал барочный иконостас, за которым они были обнаружены только во второй половине XIX века. В пушкинскую эпоху путешественник мог увидеть на сводах церкви разве что «древнюю грубую мозаическую работу,

⁴³ Новиков И. А. Дыхание земли: Вторая книга стихотворений. Киев, 1910. С. 77.

представляющую образ Божией Матери, лики апостолов и других святых без всякой натуральности».⁴⁴ Очень похоже, что бывший киевлянин и символист Новиков описывает через «видение» героя свой собственный опыт или, точнее, приобщается к своему «божеству» Пушкину через акт воображаемого погружения в художественное сознание последнего — как бы видит и чувствует сквозь поэта и его лирическую биографию идеал язычески заземленной Вечной Женственности, которая грезилась ему еще в романе «Золотые ключи». Иными словами, беллетризованная биография Пушкина представляет собой тайную «спиритуальную автобиографию» ее автора, в центре которой стоит своеобразно понятый и персонализированный сюжет Благовещения. Не случайно друг и единомышленник Новикова Борис Зайцев вывел его в ряде своих произведений под именем Алексея Петровича Христофорова (то есть «носящего в себе Христа»).

Мы полагаем, что допущенный Новиковым анахронизм был в разработанной писателем концепции искусства как земного откровения сознательным, литературно ориентированным приемом. Действительно, приведенный фрагмент, описывающий оплодотворение свободной пушкинской души прекрасным видением Богоматери, спроецирован писателем на стихотворение (и опыт!) другого его любимого поэта, оказавшего на него исключительное влияние, — Александра Блока.⁴⁵ Речь идет о мистико-эротическом стихотворении последнего «Благовещение», написанном под влиянием созерцания двух картин Джанниколы ди Паоло (Манни) в Коледжо дель Камбио (Collegio del Cambio) в Перудже в конце весны 1909 года и впервые опубликованном в журнале «Аполлон» (1910. № 4) с подзаголовком «Фреска»:

С детских лет — видения и грезы,
Умбрии ласкающая мгла.
На оградах вспыхивают розы,
Тонкие поют колокола.

⁴⁴ Берлинский М. Ф. Краткое описание Киева. СПб., 1820. С. 155.

⁴⁵ Новиков был восторженным почитателем Блока, встречался с последним в Петербурге и Киеве и оставил воспоминания о поэте (см.: Грачева А. М. А. А. Блок и И. А. Новиков: Литературные контакты // Александр Блок: Исследования и материалы. Л., 1991). Борис Садовский в рецензии на первую книгу стихотворений Новикова, озаглавленную «Духу Святому», ехидно заметил, что общего господин Новиков с Духом Святым ничего не имеет, в стихах его «прежде всего чувствуется грубая развязность провинциала, ободренного примером “столичных штучек”» и что Св. Дух читать его стихи ни за что не станет, ибо они есть «бледные и искаженные копии Блока и Белого» (Весы. 1908. № 2. С. 88—89).

Слишком резвы милые подруги,
Слишком дерзок их открытый взор.
Лишь она одна в предвечном круге
Ткет и ткет свой шелковый узор.

Робкие томят ее надежды,
Грезятся несбыточные сны.
И внезапно — красные одежды
Дрогнули на золоте стены.

Всем лицом склонилась над шелками,
Но везде — сквозь золото ресниц —
Вихрь ли с многоцветными крылами,
Или ангел, распростертый ниц...

Темноликий ангел с дерзкой ветвью
Молвит: «Здравствуй! Ты полна красоты!»
И она дрожит пред страстной вестью,
С плеч упали тяжких две косы...

Он поет и шепчет — ближе, ближе,
Уж над ней — шумящих крыл шатер...
И она без сил склоняет ниже
Потемневший, помутневший взор...

Трепеща, не верит: «Я ли, я ли?»
И рукою закрывает грудь...
Но чернеют пламенные дали —
Не уйти, не встать и не вздохнуть...

И тогда — незнаемую болью
Озарился светлый круг лица...
А над ними — символ своеволя —
Перуджийский гриф когтит тельца.

Лишь художник, занавесью скрытый, —
Он провидит страстной муки крест
И твердит: «Profani, procul ite,
Nis amoris locus sacer est».⁴⁶

⁴⁶ Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 3: Стихотворения. Книга третья (1907—1916). С. 80—81; перевод: «Ступайте прочь, непосвященные, здесь святое место любви» (лат.).

Джанникола ди Паоло Манни, «Благовещение»
(Коледжио дель Камбио, Перуджа)

Сам Блок в авторском примечании связал это стихотворение с пушкинской эротико-демонической поэмой: «...темноликий вестник в красной одежде дерзким любовным приветствием заставляет красавицу оторваться от книги. — Демоны художников диктуют “Леду и Лебеда” тому, кто замыслил “Annunziazione” и “Гаврилиаду” — автору стихотворения “Средь множества картин” (т. е. «Мадона», 1830. — И. В.)».⁴⁷ Отсылки к непристойной «Гаврилиаде» в этом стихотворении заметили и современники поэта. «Недаром на них («благозвучных стихах» из «Благовещения». — И. В.), — писал С. Маковский, — ответ “Гаврилиады”...»⁴⁸ В свою очередь, С. М. Соловьев вспоминал, как сказал Блоку, что его в этом стихотворении «неприятно поразили мотивы “Гаврилиады”». На эти слова поэт «мрачно» ответил: «Так и надо. Если б я не написал “Незнакомку” и “Балаганчик”, не было бы написано и “Куликово поле”».⁴⁹

⁴⁷ Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. С. 198.

⁴⁸ Маковский С. К. На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962. С. 154.

⁴⁹ Соловьев С. М. Воспоминания об Александре Блоке // Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 126.

Обратим внимание на то, что картины Дж. ди Паоло Манни, вдохновившие Блока, расположены по двум сторонам алтаря, так что поэт соединил образы Марии и Архангела в динамическом видении или, по удачному определению В. Н. Альфонсова, в жанровой сцене, «в которой персонажи почти вступают в соприкосновение».⁵⁰ Тот же самый «анимационный» прием, как мы видели, использовал и Новиков в описании пушкинского религиозно-эротического видения в стенах Киевской Софии. Иначе говоря, на сцену Благовещения, изображенную на двух отдельных фресках, новиковский поэт смотрит глазами Блока (двусмысленный пламенеющий стебель здесь является пушкинским аналогом «дерзкой ветви»), и в результате христианское таинство изображается как динамически развивающееся лирико-поэтическое откровение, к которому приобщается и посвященный биограф:

Лишь художник, занавесью скрытый, —
Он провидит страстной муки крест
И твердит: «Profani, procul ite,
Nec amoris locus sacer est».

Замечательно, что прием Блока, повторенный его эпигоном Новиковым, был много лет спустя использован японской художницей Кинуко Крафт в навеянной византийской и русской религиозной живописью (от Владимирской Богоматери до «Благовещения» Андрея Рублева) иллюстрации к блестящему переводу «Гавриилиады» Уолтера Арндта на английский язык, напечатанному в рождественском номере журнала «Плейбой» за 1974 год. При этом пушкинскому сатане остроумная художница придала черты самого

*Архангел Гавриил и Мария.
Иллюстрация Кинуко Крафт
к «Гавриилиаде» в переводе
Вальтера Арндта. Archival
Playboy Magazine material.
Copyright © 1974 by Playboy*

⁵⁰ Альфонсов В. Н. Слова и краски. СПб., 2006. С. 89.

Пушкина, списанного с портрета художника А. С. Прудких (так называемый «Пушкин с пером»).⁵¹

«ТЕМНЫЙ ПУШКИН»

От историко-литературных источников новиковской сцены в соборе перейдем к ее научно-пушкинистскому контексту. Следует сразу заметить, что в 1930-е годы поэт и беллетрист Новиков был активным участником пушкиноведческих дискуссий. Т. Г. Цявловская, дружившая с писателем, указала на ряд биографических находок, сделанных им в процессе работы над романом «Пушкин в изгнании». Так, в докладе «Пушкин в селе Михайловском в 1824—1826 годах», прочитанном на заседании Пушкинской комиссии Академии наук СССР 13 марта 1935 года, Новиков сформулировал фривольную гипотезу о том, что героем незавершенного стихотворения Пушкина «Младенцу» («Дитя, не смею над тобой...», 1824) является ребенок Воронцовой от поэта (еще одна гипотеза о тайном зачатии; «ключом» к стихотворению явился портрет смуглой дочери графини Воронцовой — типичная для Новикова техника проникновенного «всматривания» в визуальное изображение).⁵²

В 1920—1930-е годы писатель был деятельным участником московского Пушкинского кружка, в состав которого входили М. А. Цявловский, В. В. Вересаев, Г. И. Чулков, Ю. Н. Верховский, Л. П. Гроссман, В. В. Лужский и Л. М. Леонидов.⁵³ Члены этого полурелигиозного сообщества толкователей Пушкина собирались в квартире писателя в Еропкинском переулке в Москве, чтобы «вместе читать “темные места”» в его творчестве.⁵⁴ По свидетельству Гроссмана, Новиков «возглавлял то “талмудическое” теченье

⁵¹ См.: *Виницкий И. Ю.* «Прием Гавриила» и американское эротическое воображение: Перевод как захват // *Pushkin Review*. 2020—2021. Vol. 22—23. P. 83.

⁵² См.: *Цявловская Т. Г.* «Храни меня, мой талисман...» // *Прометей*. М., 1974. Т. 10. С. 82. Этому сюжету О. А. Проскурин посвятил неопубликованную статью под интригующим названием «История о том, как Иван Новиков и Татьяна Цявловская сделали Пушкина отцом Софии Воронцовой и что из этого вышло».

⁵³ См. об этом: *Соболев А. Л.* Эпизод из истории русской пушкинистики // *Временник Пушкинской комиссии*. СПб., 2022. Вып. 36. С. 186—200.

⁵⁴ *Цявловский М. А., Цявловская Т. Г.* Вокруг Пушкина: Дневники, статьи. 1928—1965. М., 2000. С. 60. По сообщению Людмилы Новиковой, общество называлось «Темный Пушкин». Его участники пытались дать толкование непонятным местам и словам в произведениях поэта (см.: *Новикова Л. С.* Из архива Новиковых. 1889—1991. М., 2006. С. 175—176).

в чтение Пушкина, которое намеренно создает трудности и воздвигает вопросы для возбуждения контрверз и создания сложных экзегез. Такой подход создавал подчас забавные шуточные эффекты, но мог приводить и к довольно серьезным выводам и наблюдениям». ⁵⁵ Привлекшая наше внимание литературная гипотеза Новикова, несомненно, относится к такого рода герменевтическим парадоксам, вносившим «оживление и некоторый налет веселости в споры» жрецов-пушкинистов. ⁵⁶ Наступившие времена, однако, не располагали к вольным истолкованиям, скрывавшим под флером идеологически выдержанного пушкиноведения религиозно-мистические и философские поиски начала XX века.

В этой связи нельзя не отдать должное интерпретаторской фантазии и смелости Новикова, представившего двусмысленную религиозно-эротическую концепцию пушкинского творчества в советском журнале 1943 года, а также в основанном на романе цикле лекций (платных творческих вечеров) о Пушкине, прочитанном им в 194-ю годовщину смерти поэта в уральском городке Каменске-Уральском в том же году. Между тем, как мы полагаем, здесь имеет смысл говорить не только о смелости писателя, но и о неожиданном (сугубо внешнем) резонансе его центральной маршальной темы с современной историко-политической ситуацией. Летом 1943 года, в канун наступления и освобождения «матери городов русских» Красной армией, «киевский эпизод» из пушкинской биографии получал особое — национально окрашенное — звучание. Действительно, следом за публикацией романа Новикова в «Новом мире» шло стихотворение Веры Потаповой «Тиха украинская ночь», описывающее ночной Киев времен оккупации:

Украинская ночь тиха,
Луна — как яблоко на ветке.
Рванулся стон из контрразведки
И сразу смолк... Стена глуха.
<...>
Тиха украинская ночь,
Над Киевом не меркнут звезды,
Но кажется железным воздух.
Дышать становится невмочь...
Тиха украинская ночь. ⁵⁷

⁵⁵ См.: Цявловский М. А., Цявловская Т. Г. Вокруг Пушкина. С. 228.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Новый мир. 1943. № 7—8. С. 46.

Москва, Кремль

**Председателю Государственного
Комитета Обороны**

Иосифу Виссарионовичу СТАЛИНУ

В 106 годовщину со дня смерти Александра Сергеевича Пушкина, при горячей поддержке со стороны общественности и трудящихся города Каменск-Уральского, я провел ряд пушкинских вечеров, выступая с отдельными главами из моего нового романа о Пушкине. Народ глубоко чтит память своего величайшего поэта, и эта неумиравшая к нему любовь позволила мне собрать этими вечерами 100.000 рублей на боевой самолет «Александр Пушкин». Пусть боевой самолет, носящий гордое имя «Александр Пушкин», примет участие в освобождении от несправедливого врага нашей родной земли.

Прошу включить в список действующей авиации самолет «Александр Пушкин».

Писатель Иван Алексеевич **НОВИКОВ**.

г. КАМЕНСК-УРАЛЬСКИЙ.

**КАМЕНСК-УРАЛЬСКИЙ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ
ПИСАТЕЛЮ ТОВ. НОВИКОВУ ИВАНУ АЛЕКСЕЕВИЧУ**

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Иван Алексеевич, за Вашу заботу о воздушных силах Красной Армии.

Ваше желание будет исполнено.

И. СТАЛИН.

Наконец, именно в это время обозначился коренной перелом государственной политики Сталина в отношении к православной церкви. Новиков, конечно, не мог знать о готовящейся в начале сентября встрече диктатора с тремя митрополитами (включая Киевского) накануне созыва первого после 1918 года Архиерейского собора, завершившегося избранием патриарха по согласованию с органами внутренней безопасности. Но общее изменение идеологического климата писатель, видимо, хорошо чувствовал (заметим, что в военные годы ходили слухи о тайной религиозности Сталина и даже о том, что его исповедовал Киевский и Галицкий митрополит Николай, автор акафиста Богородице).

Иными словами, видение Пушкина в киевской Софии, придуманное бывшим символистом Новиковым, парадоксальным образом вписывается в официальный национально-патриотический сценарий того времени (освобождение Киева и возвращение к русским духовным истокам). Конечно, модернистский эротизм этого видения был более чем сомнителен с точки зрения соцреалистической эстетики, но эту явную *девиацию* (прошу прощения за каламбур) искупали (или камуфлировали) жанр историко-биографического романа о национальном поэте, а также бурная общественная активность и патриотический настрой самого автора. Так, свой стотысячный гонорар за книгу и лекции он передал на строительство боевого истребителя «Александр Пушкин», за что получил благодарность за

заботу о воздушных силах Красной армии от самого Сталина, напечатанное в «Правде» 5 марта 1943 года.⁵⁸

Причудливы пути «Гавриилиады».

ЭПИЛОГ

Нам остается только заметить, что впоследствии (и по разным причинам) версию «киевско-софийского» происхождения замысла пушкинской поэмы подхватили некоторые советские и постсоветские пушкинисты и киевские краеведы. Леонид Хинкулов в «Литературных прогулках по Киеву», напечатанных в органе Правления Союза писателей Украины «Радуга» (1967. № 10. С. 37) заявляет (без отсылки к роману Новикова), что замысел «гениальной “Гавриилиады”, этого гимна земной любви и торжеству человеческой свободы личности» родился в стенах киевского собора. То же пишет и автор фотопутеводителя «Киев: что? где? как?» (1988. С. 335).⁵⁹

Более развернутую картину (опять же без указания на источник) дает исследовательница Ирина Плотникова: «Посетил Пушкин и Софию Киевскую. Можно лишь догадываться об ошеломлении чуткой души в дивном Софийском соборе. Именно там у него возник замысел поэмы “Гавриилиада”, написанной в 1821 году».⁶⁰ Пространное описание киевского чуда предложил в своем эссе известный литератор Арнольд Гессен:

Замысел «Гавриилиады» родился у Пушкина в Киеве, куда он прибыл в феврале 1821 года с Давыдовыми из Каменки.

Древняя Киевская Русь, Владимировы и Изяславы совершенно овладели воображением поэта. Десять дней он наслаждался этой стариной и накануне отъезда посетил знаменитый Софийский собор...

Взор его невольно остановился на превосходных изображениях архангела Гавриила и девы Марии (библейская притча о благо-

⁵⁸ Истории самолета и его пилота посвящена брошюра: *Кирпонос Е. М., Новикова М. Н.* На истребителе «Александр Пушкин». М., 1981. Соавтором этой брошюры выступила приемная дочь писателя М. Н. Новикова-Принц.

⁵⁹ Академическая пушкинистика киевскую версию происхождения замысла поэмы полностью игнорирует. Согласно М. В. Строганову, замысел «Гавриилиады» зародился в творческом сознании поэта во время посещений Благовещенской церкви в Кишиневе напротив дома Инзова, где жил поэт (см.: *Строганов М. В.* Гавриилиада // *Пушкинская энциклопедия: Произведения.* СПб., 2009. Вып. 1. С. 349).

⁶⁰ «...Не зарастет народная тропа»: Пушкинский альбом. Киев, 1999. С. 109.

вещении повествует, как известно, что Гавриил был послан сообщить деве Марии божью волю — что у нее будет сын). Пушкин с любопытством и вниманием рассматривал их. Атеист в душе, он издевался над легендой о беспорочном зачатии девы Марии, и здесь у него родился — а позже, в Кишиневе, был осуществлен — замысел «Гавриилиады». ⁶¹

Наконец, относительно недавно киевская гипотеза Новикова преломилась в сверхкурьезном сочинении инженера, изобретателя и писателя-парапушкиниста Бориса Веробьяна (1936—2017). У графоманских брошюр последнего о творчестве Пушкина, написанных в сотрудничестве с неизвестными нам «литературоведами и историками» МГУ в 2000—2010-е годы, есть две общие черты: (1) они представляют собой почти дословные (с маленькими вкраплениями) *выписки* из книг Новикова и еще нескольких биографов Пушкина и (2) эти выписки *зарифмованы* в форме *балаганного* райка. Приведем пример киевского эпизода из книги Веробьяна «Пушкин Александр Сергеевич: Бессарабско-крымский изгнанник, Михайловский узник» (2011):

Вид на Киев открылся перед путниками на заре и поэта восхитил...
И, как было условлено, дом Раевских у себя Пушкина приютил...

<...> И Киев — мать городов русских, известный с 860 года,
поэт обозревал
Вовсе не в одиночестве... Его всюду Николай Раевский сопровождал.
Друг Пушкина хорошо знал русскую старину и не без гордости сам
Водил поэта по заповедным и древним киевским местам...

Пушкин и в Киевско-Печорской лавре, основанной в IX веке,
побывал,
Он и Софийский собор, который украшен мозаиками и фресками,
увидал.
Народу было немного. И Николай поэта к саркофагу подводил.
И, конечно, в эти дни поэт и могилу князя Аскольда посетил... ⁶²

Зарифмовал Веробьян и рассуждения Новикова о «Гавриилиаде», инкрустировав в последние текст самой поэмы! Не можем удер-

⁶¹ Гессен А. И. «Песни о свободе»: («Кавказский пленник»; «Гавриилиада»; «Братья разбойники») // Труд. 1969. 6 июня. С. 3.

⁶² Веробьян Б. С. Пушкин Александр Сергеевич: (Бессарабско-крымский изгнанник. Михайловский узник). М., 2011. С. 127—128.

жаться от искушения процитировать небольшой фрагмент из этого по-своему уникального перепева.⁶³

Ни одно письмо, ни один автограф по прошествии лет
На судьбу этой едва ли неразделенной страсти не проливают свет...
Лишь творения поэта убеждают нас, кажется, пусть и не очень броско,
В продолжительности его любви к Марии Раевской-Волконской.

<...> В 552 грациозных и шаловливых строках, легких и броских,
Он не имеет цели критиковать христианство с позиций философских.

<...> И на глазах у Марии за обладание ею «дивный бой»
Сатана с архангелом Гавриилом затеяли между собой...
Бились они жестоко... Но, в критический момент, Гавриил
«Впился» сатане в интимный орган, которым тот грешил...

<...> Бог и не подозревает об интимной связи Марии с посланцем.
А та «в своем углу покоилась на смятой простыне притом».

<...> И исполнив прихоть, «голубь торжествует»,
В жару любви трепещет и воркует...

Пересказ поэмы завершается следующим оперенным рифмами лирическим заключением:

И заслуживает внимания в завершение темы
Эпилог яркой, но скандально-одиозной поэмы...
С горестной иронией эпилог этот воспринимает
Тот, кто печальную судьбу самого поэта знает...⁶⁴

* * *

Так созданная (вышитая по канве канонических произведений) постсимволистом Новиковым смелая и нескромная литературно-

⁶³ Как любезно указал нам Михаил Павловец, подобным приемом воспользовался один персонаж из поздней повести Генриха Сапгира «Армагеддон», переложивший стихами роман Достоевского «Бесы». См.: Павловец М. Функция парафразиса романа Ф. М. Достоевского «Бесы» в повести Г. Сапгира «Армагеддон» // Сусрети народа и культура. Косовска Митровица, 2015. С. 147—173. Но в случае реального сочинителя Веробьяна топорными раешными стихами перелагается не прозаическое произведение, а игривая поэма.

⁶⁴ Веробьян Б. С. Пушкин Александр Сергеевич: (Бессарабско-крымский изгнанник. Михайловский узник). С. 140—149.

психоаналитическая гипотеза получила фиктивную локализацию и зажила своей жизнью как часть киевского текста (термин Инны Булкиной⁶⁵) и пушкинского мифа русской литературы. Между тем при всей своей исторической недостоверности и анахроничности эта творческая гипотеза представляется нам интеллектуально стимулирующей, указывающей не только на прячущуюся под маской пушкинизма символистскую концепцию искусства как непорочного зачатия, но и на глубинные особенности пушкинского эротического воображения, по-своему «предвещающего» произведения романтика Лермонтова, мистика Владимира Соловьева, символистов Блока и Михаила Врубеля, а также, возможно, еще одного киевлянина, написавшего роман о гениальном писателе-историке, его самоотверженной возлюбленной и дьяволе-посреднике, являющемся частью той силы, что вечно хочет зла и вечно вещает о благе.⁶⁶

Иначе говоря, гипотеза Новикова выводит пушкинскую «Гавриилиаду» за рамки французского элегантного либертинажа и представляет ее (*post factum*) как формообразующую часть русской мариально-демонической традиции XIX—XX веков. Если бы молодой бешкетник, посетивший «мать городов русских» зимой 1821 года, догадался (и смог бы) заглянуть за скрывавший древнее киевское чудо иконостас, то он, возможно, увидел и почувствовал бы что-то похожее на то, что описал «за него» писатель Новиков. В конце концов, перифразируя Блейка, и сатана в пушкинской теодицее принадлежит к партии Марии.

⁶⁵ См.: Булкина И. Киевский текст в русском романтизме // Лотмановский сборник. М., 2004. [Вып.] 3. С. 93—104.

⁶⁶ В советскую эпоху тему тайной влюбленности автора «Гавриилиады» в Деву разрабатывал (в свойственном ему духе) В. Н. Турбин: «Пушкин дразнит Богородицу. За косички дергает Ее — фигурально, разумеется, выражаясь. Почему? Потому, что любит Ее. И — представим себе невысказанное! — по-земному Ее он любит, ревнуя Ее... к Святому Духу: повествует же Священное Писание, что сей Дух прикоснулся к Ней. Маяковский говорил о любви, вызывающей ревность к Копернику. А у Пушкина: что там Коперник, к Богу ревность!» И далее: «...Поэт истинный без Дамы невысказан. Далеко не всегда эта Дама — биографическая жена, невеста, любовница. Она может быть недосыгаемой. Быть идеей. Образом. Но она желанна. И желанна она по-мужски, во плоти» (Турбин В. Н. Незадолго до Водолея: Сб. статей. М., 1994. С. 113—117; см. также: Ословат Л. С. Дальняя подруга: Пушкинский миф о безыменной любви в творческом истолковании Тынянова—Эйзенштейна // Киноведческие записки. 1999. № 42. С. 106—128).

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННИК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 37

Санкт-Петербург
2023

УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

*Издание основано в 1962 году
Выходит один раз в год*

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Е. Е. Дмитриева

Рецензенты:
*Доктор филологических наук
А. В. Кошелев
(Государственный архив Новгородской области)*
*Доктор филологических наук
О. Б. Лебедева
(Томский государственный университет)*

ISBN 978-5-94668-370-8

© Авторы статей, 2023
© Пушкинская комиссия РАН, 2023